

Абдрасулов С.М.,
заведующий кафедрой философии
и социально-гуманитарных наук
Кыргызской государственной юридической академии,
кандидат философских наук

Истоки кыргызской интеллигенции

*Правильно определить вещь –
значит почти разгадать ее природу.*

Г.П. Федотов

Мы, современные кыргызы, разрушая собственные культурные основания, нравственно хорошее можем видеть только у других. Ругаем свое не только настоящее, но и прошлое, которое мы зачастую не знаем. Но незнание не сдерживает, а подхлестывает нас надругаться над своим, либо говорить о своем с позиции негатива не только не зная, но и не желая познавать его. Это отличительная черта современного суверенного Кыргызстана.

Говорить об истоках кыргызской интеллигенции в отрыве от понимания русской интеллигенции и европейского интеллектуала будет непозволительной ошибкой, способной дать нам неверное истолкование и понимание современной кыргызской интеллигенции. Но вначале стоит обратить свое внимание на этимологию слова «интеллигенция».

Слово «*intelligentia*» по латыни означает «понимание», «способность к пониманию». Слово этимологически означало «человека, обладающего умом». Именно в этом ключе дает определение Владимир Даль: «Интеллигенция – разумная, образованная, умственно развитая часть жителей». В Большой советской энциклопедии: «Интеллигенция (лат. *intelligentia, intellegentia* – понимание, познавательная сила, знание, от *intelligens, intellegens* – умный, понимающий, знающий, мыслящий), общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным». Владимир Глебкин, опираясь на Цицерона, Боэция и схоластическую традицию, определяет интеллигенцию «как сознание и самосознание божественного разума». Точнее «интеллигенция – то, посредством чего душа познает, каковы вещи, каков окружающий мир», – определяет это понятие Цицерон (*Cic. Inv.*, 2, 53). В дальнейшем у Боэция (*Cons. phil.*, V, 4) и, с опорой на него, в схоластической традиции «*intelligentia*» определяется как сознание и самосознание божественного разума, с помощью которого он может взглянуть за основания вещей и постичь свои собственные основания. Такое понимание остается определяющим для европейской философии нового времени, опирающейся, осознанно или неосознанно, на средневековую традицию»[1].

Интеллигенция «по общеевропейскому пониманию» – это слой общества, воспитанный для того, чтобы руководить обществом, но не нашедший для этого вакансий и предлагающий обществу свою критику или свои предложения со стороны»[2].

В европейских культурах нет понятия «интеллигенция». Там есть термин «*les intellectuels*». Он, так же как и термины «интеллигенция» и «интеллигент» вошел в русский язык. Термин «*les intellectuels*» понимается русскими как специалист умственного труда и не более. Именно такого человека и они именуют интеллектуалом. А интеллигент русскими понимается не только как образованный, но и как нравственный человек. Вот что об этом пишет Михаил Гаспаров: «Когда западные интеллектуалы берут на себя заботу о самосознании общества, то они вырабатывают науку социологию. Когда русские интел-

лигенты сосредоточиваются на том же самом, они создают идеал и символ веры. В чем разница между интеллектуальским и интеллигентским выражением самосознания общества? Первое стремится смотреть извне системы (сколько возможно), второе – переживать изнутри системы. Первое рискует превратиться в игру мнимой объективностью, второе – замкнуться на самоанализе и самоумилении своей «правдой». В отношениях с природой важна истина, в отношениях с обществом – правда»[3]. Более точное понимание отличия русской интеллигенции от европейского интеллектуала и от советской интеллигенции дает нам Георгий Федотов, писавший в начале XX века: «Русская интеллигенция «идейна» и «беспочвенна» [4].

Русское дворянство XVIII-XIX вв., ориентированное на Европу, пыталось перенять все европейское: этикет, моду на одежду и на мысли, т.е. на образование, науку, философию. Именно эта охваченность европейской культурой формирует русскую интеллигенцию, ориентированную на европейский интеллектуализм и оторванную или отдалившуюся от основ русской культуры. Их стали именовать западниками. В противовес им возникают славянофилы, почвенники, подвергшие критике западников. Западники – это те, кто утерял родную почву. «Беспочвенность – по мысли Георгия Федотова – есть отрыв: от быта, от национальной культуры, от национальной религии, от государства, от класса, от всех органически выросших социальных и духовных образований» [4]. Схожие мотивы улавливает Григорий Померанц: «Мыслители первого ряда: Августин, Паскаль, Кьеркегор. Второго ряда: Аристотель, Аквинат, Гегель. Эти имена сразу дают почувствовать разницу. Мыслители первого ряда переживают кризис культуры как свой личный кризис, как чувство внутреннего противоречия, из которого мучительно ищут выход, а мыслители второго ряда спокойно занимаются исследованием мира, уверенные в своей позиции и во всевластии разума» [5].

Приход к власти большевиков внес свою «непосильную лепту» в понимание интеллигенции. Благодаря ленинскому противопоставлению пролетариата буржуазии, тонкость в понимании и различении «интеллектуала» и «интеллигента» утратила былую актуальность. «Слово «интеллигенция», таким образом, было выпотрошено, потеряло всякое духовное содержание. Осталась прослойка, болтающаяся между буржуазией и пролетариатом и занятая бесплодным самокопанием. Эта схема, к сожалению, вошла в язык и сплошь и рядом, когда мы говорим «интеллигенция», мы имеем в виду интеллигенцию именно в этом ленинском смысле слова» [5]. Говоря словами Григория Набатова: «Отечественная интеллигенция абсолютно лишилась своего родового признака и исторической привилегии мыслить. Отныне все ее «умствование» было загнано в прокрустово ложе марксистско-ленинского мировоззренческого социально-классового подхода»[6].

Особенность русской интеллигенции в том, что их не допускали и не допускают к власти, они всегда отстранены от официальной политической власти страны. Это и было основанием для презрительного отношения к ним, несмотря на их участие в оппозиционных движениях. В свою очередь интеллигенция, чувствуя свою отстраненность от официальной власти, распространяет свое понимание официальной власти как дела безнравственного и грязного. К тому же интеллигенция свою отстраненность от официальной власти обозначает как то, что соответствует нравственности, а свои встречи тайные или явные объявляет богемным, т.е. встречей особых людей. Это стало основанием для восхищения интеллигенцией. Однако выключенность интеллигенции от власти люди власти преподносят как самоустранение интеллигенции от управления государством и как игнорирование интересов большинства, что и становится основанием для обвинения интеллигенции в изолированности и загнивании.

Русская традиция отстранения от власти интеллигенции была успешно перенята большевиками.

В советское время интеллигенция, отстраненная от власти, превращается в прослойку общества, занимающаяся интеллектуальным, умственным трудом. В советском пони-

мании интеллигенции, как было сказано выше, нет различия между интеллигентом и интеллектуалом, что стало основанием причисления в их ряды людей, несовместимых с позиции прежних различий. Здесь можно найти как интеллигентов, так и интеллектуалов, более того здесь можно найти примыкающих к ним людей, обученных «чему-нибудь и как-нибудь»[7]. К тому же советская интеллигенция, если говорить словами Георгия Федотова, то это интеллигенция «идейная» и «беспочвенная».

В наше время постсоветская, российская молодежь с новой силой потянулась к Европе и к европейскому образу жизни. Это можно уловить и в желании образованной части молодежи России быть не интеллигентами, а интеллектуалами, т.е. профессионалами. «Интеллигенция – пишет Александр Бурляк – любит примазываться к успехам интеллектуалов, занятых практической деятельностью (выдавать их достижения за достижения культурного слоя вообще), хотя на самом деле она не только не помогает им, но даже мешает – оттягиванием на себя внимания и ресурсов». Далее он пишет, что «активный интеллигент – это, как правило, социальный паразит (халтурщик мысли, в лучшем случае образованный дурак или путанник), который, эксплуатируя свое сходство со здоровыми интеллектуалами, подрывает способность общества к умственной деятельности, а значит, наносит ущерб и всем прочим способностям общества». [8]. Подытоживая мысли о современной молодежи России, можно сказать, что она в большинстве своем «идейна» и «беспочвенна».

После выяснения отличительных черт европейского интеллектуала русской и советской интеллигенции можно перейти к выявлению специфики кыргызской интеллигенции.

Первое, на что стоит обратить внимание – то, что до прихода к власти большевиков, до установления советской власти в Кыргызстане, в кыргызском обществе не было не только кыргызской интеллигенции, но и понятия «кыргызская интеллигенция». Но, что-то же было, что могло быть тем, что удерживало и развивало кыргызскую культуру. Ими были мудрецы и мудрость (билгич и билги).

Приход к власти большевиков и «культурная революция», уничтожившая кыргызскую элиту, подорвали основания кыргызской духовности. Ее место заняла советская интеллигенция со всеми своими плюсами и минусами.

Кыргызская интеллигенция – это плод советской интеллигенции. Отличительные черты ее, т.е. кыргызской интеллигенции – это подражательность и несамодостаточность. Их девиз – во всем равняться на Москву. Именно эта ориентированность на Москву порождает понятие «старшего брата». В советское время культивируется идея того, что «старший брат» всегда и во всем прав. Исходя из этого, кыргыз, если он хочет быть правым и прогрессивным человеком, должен поступать так, как поступает «старший брат». Следование за ним воспринимается как следование за истиной, за прогрессом. От этого влияния не был свободен даже Чингиз Айтматов в молодом периоде своего творчества, не только написавший, но и назвавший свое новое произведение «Белый пароход», где маленький мальчик уплывает не к матери-оленихе, а к белому пароходу, к пришельцу, как ему кажется, обладающему истиной[9]. Но зрелый Чингиз Айтматов – это тот, кто улавливает и нащупывает свои корни, свою «почву», быть может, благодаря общению и дружбе с великим сказителем эпоса «Манас» Саякбаем Каралаевым.

Еще одной, наиболее значимой отличительной чертой кыргызской интеллигенции советского периода была ее «беспочвенность», являвшаяся основой ее ангажированности всему иному.

Обретение суверенитета дало возможность кыргызам выбрать своих лидеров. С легкой руки Чингиза Айтматова президентом Кыргызской республики был избран президент академии наук КР Аскар Акаев. Аскару Акаеву и всей кыргызской интеллигенции был дан исключительный исторический шанс показать то, на что она способна. Кыргызская интеллигенция, ринувшаяся к власти, не смогла быть тем, кем ее хотел видеть кыргызский народ. «Беспочвенная» кыргызская интеллигенция, придя к власти, в конец дискре-

дитировала себя перед народом своей ведомостью и устремленностью к материальному началу. Именно эта ведомость, т.е. несамодостаточность и неуемная алчная устремленность кыргызской интеллигенции к материальному, начала рушить основы кыргызской духовности.

«Глаза физика» не могли отличить социальную форму движения от физической. Точнее социальную форму движения материи он сводил к физической, считая, что процесс изменения в них одинаков, т.е. разрушение основ одной системы может привести к образованию новой системы. Это конечно так, но есть нюансы, на которые «физик» не обратил особого внимания. К тому же «физик» упустил из виду, что при изменении социального целого, в отличие от физического целого, необходимо было сохранение и развитие определенной духовно-нравственной окрашенности системы, именуемой кыргызской культурой. Данное не было взято «физиком» в расчет, следствием чего оказалось внедрение таких экономических и законодательных форм социального общежития, которые рушили основание духовно-нравственной окрашенности кыргызского государства и народа в целом.

Отсутствие надлежащей системы кыргызского образования и воспитания позволило в эту сферу проникнуть чужеродным системам образования и воспитания, которые усиливают крушение и без того подорванной основы кыргызской культуры, не только заменяя его основаниями иных культур, но и выдавая их как кыргызские. Этим они создают платформу, на которой вырастает новое поколение кыргызов, часть которых ориентирована на западные ценности, а другая – на исламские ценности.

Отсутствие духовно ориентированной системы и неследование кыргызской традиции преемственности в управлении государством открывает дорогу к власти людям, не только не знающим собственную культуру, но и не обладающим элементарным знанием управленческой культуры. Они не в состоянии изменить ситуацию к лучшему. Ибо они не знают, что такое системное управление. Без системного управления, ориентированного на воспроизводство кыргызской духовности, будущее кыргызской культуры и кыргызского государства представляется лишь бутафорским.

«Дети лейтенанта Шмидта», т.е. Аскара Акаева, отправленные, без надлежащей духовной подготовки, на учебу в зарубежные страны по программе «Кадры XXI века» остались или же большинство молодых людей вернулось на родину с другой, чуждой кыргызу, ментальностью. Их отличительная черта – это цинизм к тому, что их когда-то породило. Они – это те, кто утерял свою «почву». Они как интеллектуалы могут говорить и внедрять экономическое развитие, но отнюдь не духовно-нравственное развитие, соответствующее духовным истокам кыргызов.

Духовное влияние извне укрепляет в новом поколении Кыргызстана ненависть к советской интеллигенции и устремленность к европейскому интеллектуализму без опоры на собственную культуру, «почву», что говорит об их выхолощенном интеллектуализме и «беспочвенности», порождающих циничное отношение ко всему тому, что созидает кыргызскую духовность.

Если образовательные и воспитательные системы других государств, существующие на территории Кыргызской Республики и вне его, укрепляют в образованной части кыргызской молодежи выхолощенный интеллектуализм и «беспочвенность», порождающих циничное отношение ко всему тому, что созидает кыргызскую духовность, то современные средства массовой информации, пропагандирующие западные ценности массовой культуры, занимаются переформатированием общественного сознания кыргызской молодежи, отвращая их от воспроизводства кыргызской духовности.

Если суммировать вышеизложенное, то, опираясь на высказывание Мераба Мамардашвили – «Интеллигенция, превращаясь в органическую интеллигенцию развитого общества, также сталкивается с процессом стандартизации, с процессом отчуждения, с механизмом эксплуатации, более тонким и более сложным, чем прежний. Она оказывается перед дилем-

мой: превратится ли она в чиновника современных корпораций и интегрируется в этом смысле в существующую социально-экономическую систему или пойдет по пути развития демократической борьбы, по пути участия в коалиции демократических сил, борющихся против современных монополий»[10] – можно сказать, что ситуация с будущим Кыргызстана тревожна, поскольку государство не в состоянии на должном уровне контролировать систему воспроизводства носителей кыргызской духовности. Дело усугубляется еще и тем, что к власти рвутся и приходят те, кого государство когда-то упустило из виду, не дав им должного образования и воспитания, ориентированного на кыргызскую духовность. Они – «идейные беспочвенники» и люмпены – своим искренним порывом, к сожалению, готовы внести свою «лепту» в крушение кыргызской культуры и кыргызского государства.

Кыргызская интеллигенция не в состоянии противостоять процессу крушения кыргызской духовности. Тогда кто, как и какими методами может противостоять крушению кыргызской духовности?! Вопрос не просто несправедливый, но и судьбоносный. Противостоять процессу крушения кыргызской духовности под силу новой элите (преемнице дореволюционной кыргызской элиты) путем создания единой команды, укорененной в кыргызскую духовность, независимой от других стран. Она в состоянии не только прийти к власти, но и осуществить системные изменения в пользу самовоспроизводства кыргызской духовности, исторически дававшей возможность другим культурам не только быть, но и развиваться рядом с кыргызской культурой. Первое, с чего надо начать системные изменения, это с образовательной системы, которая должна быть ориентирована на воспроизводство кыргызской духовности. Следовательно, все образовательные структуры, находящиеся на территории Кыргызской Республики и не нацеленные на воспроизводство кыргызской духовности, должны быть незамедлительно исключены из образовательной сферы Кыргызской Республики. В соответствии с кыргызской духовностью должны быть организованы и другие сферы (законотворчество, экономика, искусство, архитектура, и другие) жизнедеятельности общества. Именно в таком понимании я вижу реальное будущее кыргызской культуры и кыргызского государства.

Литература:

1. *Глебкин В.В.* Можно ли «говорить ясно» об интеллигенции? //Труды по культурной антропологии М., 2002. – с. 91-116.
<http://ec-dejavu.ru/i/Intelligentsia.html>)
2. *Гаспаров М.Л.* Интеллигенция и революция //Гаспаров М.Л. Записи и выписки. – М., 2001. – с. 84–88,
<http://nevmenandr.net/scientia/gasparov-intelligentsia.php>.)
3. См: *Гаспаров М.* Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность. //Российская интеллигенция: история и судьба. М.: Наука, 1999.
4. *Федотов Г.П.* Трагедия интеллигенции.
http://gondola.zamok.net/154/154fedotov_1.html
5. *Григорий Померанц* Интеллигенция: идейность задач и беспочвенность идей.
http://ec-dejavu.ru/i/intelligentia_3.html
6. *Набатов Г.В.* Российская интеллигенция и советская власть (1917-1930 гг.)
[http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990200_West_MO_2004_1\(2\)/25.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990200_West_MO_2004_1(2)/25.pdf)
7. См.: *Пушкин А.С.* Евгений Онегин.
<http://www.litra.ru/fullwork/get/woid/00028601184773070301/>
8. *Бурляк А.* Об интеллигенции. <http://bouriac.narod.ru/Intelligentsia.htm>.
9. *Абдрасулов С.М.* Тревога в творчестве Ч.Айтматова. // Новый век. Научно-информационный вестник ИППК КГНУ. – Б. Издательский дом «Наука и образование», 2001. № 2. – с. 88-93.
10. *Мамардашвили М.К.* Интеллигенция в современном обществе.
http://ec-dejavu.ru/i/intelligentia_3.html